

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ «СЫРЬЕВОГО ПРОКЛЯТИЯ»¹

А. Г. Шеломенцев, С. В. Дорошенко, Э. Чойжил

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлась проверка гипотез, отражающих взаимосвязи развития сырьевого сектора с социально-экономической динамикой. Теоретико-методологической основой исследования явились концепции, отражающие различные воззрения на взаимосвязь сырьевого сектора и национального развития. Особенностью данного исследования является то, что объектом были выбраны государства — 15 стран постсоветского пространства, в целом отличающиеся ранней стадией формирования публичных институтов, в том числе характеризующейся поиском модели эффективного вовлечения природных ресурсов в экономическую деятельность.

Значимость и актуальность сравнительных исследований не снижается с течением времени, поскольку именно компаративный метод признается одной из наиболее эффективных исследовательских технологий, которые не только дают анализировать более широкий и разнообразный круг данных, но и позволяют изучать явления системного характера, к каковым относится, к примеру, оценка встроенности сырьевого сектора в национальные экономические системы. В последние годы все острее ощущается, что обеспеченность стран и регионов природными ресурсами становится, с одной стороны, важнейшим геополитическим фактором их социально-экономического развития и позиционирования в глобальной конкурентной среде, с другой — источником военно-политических рисков и угроз.

Однако необходимо понимать, что помимо предоставления дополнительных возможностей компаративный анализ накладывает и существенные ограничения на выводы, поскольку корректность результатов сравнений различных объектов определяется не столько их размерной схожестью, но, прежде всего, институциональными императивами развития, что далеко не всегда учитывается.

Так, распад в конце 1991 г. СССР и образование 15 независимых государств в большинстве случаев привели к тому, что эти страны автоматически дополнили общий список государств, и при межстрановых сравнениях сегодня они выступают равнозначными объектами наряду с другими государствами. Такой количественный подход провоцирует и дальнейшее механическое проецирование на страны СССР концепций «сырьевого проклятия», а также деление их на сырьевые и несырьевые.

При этом часто не учитывается, что, во-первых, большинство из этих стран никогда не имели самостоятельного опыта государственного строительства и управления. По сути большинство из них являются новыми государственными образованиями на мировой карте. Известные закономерности институционального развития не могут формально проецироваться на социально-политические и экономические процессы, происходящие во вновь образованных странах постсоветского пространства в силу того, что базовые институты еще находятся на стадии своего формирования. По нашему мнению, некорректно формальное сравнение стран, находящихся на разных стадиях своего национального развития, например, стран, имеющих столетние истории, со странами, в течение последних 20 лет только осуществляющих государственное строительство. Поэтому тенденции и результаты развития «молодых» стран постсоветского пространства вполне сопоставимы между собой. При этом их сравнение с другими странами Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, на наш взгляд, требует введения «поправочных коэффициентов», отражающих национально-культурные особенности, состояние развития публичных институтов и действие разнонаправленных факторов.

Во-вторых, получение бывшими регионами СССР формального статуса независимых государств за 20-летний период не предопределило выбор их институционального развития. Так «выбор», сделанный этими странами в начале 1990-х гг., по существу сводился к категоричному отказу от ранее заданной траектории, а в части перспективы — к своего рода навязанному образу будущего. В результате большинство этих стран до сих пор находится на стадии перманентного поиска своего места, который часто подменяется мифом «национальной идеи». В таких условиях роль развитого сырье-

¹ Исследование проводится в рамках гранта РГНФ 13-02-00120 «Оценка государственной политики инновационного развития минерально-сырьевого комплекса».

вого сектора экономики не может быть однозначно определена в категориях «проклятия» или «блага», даже если факты в какие-то периоды провоцируют однозначные оценки. И наконец, СССР в историческом аспекте никогда не относился к сырьевым странам, поскольку традиционно имел развитую обрабатывающую промышленность.

В силу этих обстоятельств, с нашей точки зрения, по уровню развития страны постсоветского пространства методологически корректно сравнивать между собой, прибегая к методу региональных группировок по определенным признакам, в том числе и по степени обеспеченности природными ресурсами. И только полученные на этой основе результаты следует соотносить с представлениями о влиянии природного фактора, которые, в свою очередь, за последние десятилетия претерпели заметные изменения, что при проведении компаративного исследования также необходимо учитывать.

Взаимосвязь устойчивого социально-экономического развития национальной экономики с наличием в стране природных ресурсов на протяжении последних десятилетий остается предметом острейших дискуссий. В историческом плане представления о природе «сырьевого роста» с начала XX в. претерпели существенные изменения.

Условно в эволюции представлений о роли природных ресурсов в мировом развитии можно выделить три этапа:

— до 1970-х гг. — этап, характеризующийся доминирующими представлениями о природных ресурсах как источнике национального экономического роста;

— 1970–2000-е гг. — этап, на котором главенствующую роль играло мнение о ресурсах как «национальном проклятии»;

— с первой половины 2000-х годов по настоящее время — этап, который можно назвать «временем неоднозначных оценок» роли природных ресурсов в экономике различных стран и регионов.

Кратко рассмотрим эволюцию взглядов о роли природного фактора в рамках выделенных этапов. До середины XX в. доминировало мнение о позитивной роли природных ресурсов как источнике экономического роста национальной экономики. В качестве подтверждения этого тезиса чаще других приводится опубликованная в 1930 г. монография Г.А. Инниса [27]. По мнению некоторых современных исследователей, именно сырьевые ресурсы, в первую очередь, уголь как источник

энергии, стали одной из основных движущих сил промышленной революции [28, 35]. В целом, представители сырьевой теории роста, опираясь на анализ различных стран, утверждали, что в отсталых регионах экономический рост, как правило, начинается с повышения предпринимательской активности в сфере освоения природных ресурсов, а затем капитал сырьевого сектора реинвестируется в развитие местной инфраструктуры, сервис и обрабатывающие отрасли [26, 39, 41].

Нефтяной бум в начале 1970-х гг. привел к появлению многочисленных исследований и публикаций, в которых следствием ресурсного изобилия были названы хищническое освоение природных ресурсов, расслоение общества и громадные долги. В итоге происходит смена доминирующей парадигмы. Начало этому процессу было положено исследованиями, выполненными по заказу Римского клуба в период 1971–1990 гг. [10, 12, 16, 33, 34].

В 1982 г. исследователями В.М. Корденом и П. Нири предложена модель «голландской болезни» [23], согласно которой при росте сырьевого сектора постепенно происходит деградация обрабатывающих отраслей экономики, то есть происходит «прямая деиндустриализация». При этом высокие доходы работающих в сырьевом секторе людей повышают потребление, а значит, и спрос на неторгуемые товары и услуги, что вызывает рост цен на них и перетекание трудовых ресурсов из промышленности в сферу услуг. В промышленности при этом возникает эффект «косвенной деиндустриализации», который усиливается ростом реального курса национальной валюты и повышением цен на импортируемые товары, поступающие в результате сворачивания собственного производства.

В целом, в 1980-е гг. появляется большое число публикаций, в которых анализируется взаимосвязь между наличием природных ресурсов и экономическим развитием страны. Именно в этот период начали зарождаться представления о том, что природные ресурсы могут быть скорее негативным фактором для национальной экономики, нежели ее преимуществом. В итоге в 1990-е гг. большинство исследователей пришли к практически единому мнению о существовании явления, получившего впоследствии название «сырьевого проклятия». Понятие «сырьевое проклятие» было введено в оборот Ричардом Оти (Аути) в 1993 г. для описания расслоения уровня жизни населения, проживающего в богатых странах — экспортерах нефти [20]. Впоследствии

на протяжении ряда лет различные научные исследования велись именно в этом направлении. Одной из первых наиболее значительных экономических работ по проблемам природных ресурсов считается публикация Сакса и Уорнера «Изобилие природных ресурсов и экономический рост» [37].

С течением времени для обоснования негативной связи между наличием полезных ископаемых и темпами экономического роста появилось несколько концепций, которые П. Казначеев разделил на две группы, исходя из акцентов на различных каналах, через которые ресурсная зависимость препятствует экономическому росту [6]. В первой группе концепций внимание сосредоточивалось на экономических каналах. Сюда, в частности, относятся работы экономистов, изучающих эффект «голландской болезни» [25, 32, 42]. Появление второй группы относится к 2000-м гг., когда ряд авторов, оставаясь в рамках концепции экономических каналов, начинают исследования по оценке негативного влияния нестабильности сырьевых цен на рост и развитие [21, 30, 43]. Но в целом в этот период сохраняется единство мнений по поводу существования «сырьевого проклятия».

Однако с начала 2000-х гг. гипотеза о существовании «сырьевого проклятия» стала подвергаться сомнениям. Прежде всего, критическое отношение вызвал взятый Саксом и Уорнером для исследований временной период, на который пришлось значительное падение цен на сырье, начавшееся в 1980 г. и продлившееся 20 лет. Одновременно бум нефтяных цен 1970-х гг. повлек за собой непродуманное кредитование со стороны правительств стран — экспортеров полезных ископаемых, что вызвало чрезмерную задолженность, способствовавшую замедлению роста. Если учитывать эти факторы, то влияние «сырьевого проклятия» не наблюдается [31].

Кроме того, рядом экономистов в принципе была подвергнута сомнениям сама попытка оценки влияния природных богатств на экономическое развитие. Некоторыми из них была выдвинута идея о существовании влияния не самого фактора природных ресурсов, а его связи с определенными параметрами национального развития [29]. Другие на основе исследований информации за более длительные временные периоды либо не обнаруживали такой связи [38], либо считали ее крайне слабой, либо обнаруживали положительную связь [36].

В итоге такие исследования привели к появлению подхода, в рамках которого главным

фактором, препятствующим росту в странах, богатых полезными ископаемыми, считаются институциональные изъяны. При этом внутри институционального подхода также выделяются два направления. Первое направление корнями уходит в гипотезу о «сырьевом проклятии», превращаясь в «институциональное проклятие». По мнению его представителей, изобилие природных ресурсов становится причиной коррупции в рядах правящей элиты и деградации институтов, что, в свою очередь, оборачивается негативными последствиями для роста и развития. В рамках второго направления также делается акцент на институтах, но причинно-следственная связь формулируется противоположным образом: не страны, богатые природными ресурсами, обречены на институциональные изъяны, а наоборот, сама слабость институтов становится причиной замедления роста [6].

Однако следует заметить, что гипотеза о влиянии ресурсного богатства на рост через качество институтов подвергается той же критике, что и гипотеза о «ресурсном проклятии». Дело в том, что любые доводы, будь они в пользу опровержений, или наоборот, доказательств, основаны на сочетании двух элементов: показатели измерения (чаще других используются доля экспорта в ВВП, выпуск или запас ресурсов) и временные периоды данных по определенным показателям (другими словами, выбор контрольных точек для замеров). Различные варианты сочетаний могут привести к принципиально различающимся результатам исследований.

При этом, по мнению В. Полтеровича, В. Попова и А. Тониса, «отсутствие значимой зависимости между ресурсным богатством и качеством институтов в линейных регрессиях еще не означает, что такой зависимости вообще нет. Примеры многих стран дают повод предположить, что имеет место нелинейная зависимость, то есть существует порог уровня институционального развития, ниже которого ресурсное богатство ухудшает качество институтов, а выше — не оказывает на него существенного влияния» [15]. Свои выводы авторы подкрепляют результатами, полученными различными исследователями при проведении расчетов в рамках той или иной эконометрической модели.

В целом, анализ взаимосвязи между изобилием природных ресурсов и слабым экономическим развитием страны нашел отражение в многочисленных работах в России [2, 4, 5, 9, 13] и за рубежом [17, 22].

Кроме того, необходимо отметить существенное влияние на мнение относительно роли минеральных ресурсов в национальной экономике стран геополитических и геоэкономических воззрений. К примеру, в начале 1990-х гг. в странах СНГ получили распространение идеи геоэкономики об интернационализации всех видов природных ресурсов, что должно обеспечить доступ России к формированию мирового дохода на выгодных условиях [8]. Основными представителями данного направления в России являются Э.Г. Кочетов, В.Н. Княгинин, Ю.Г. Липец, И.И. Лукашук, М.А. Пивоварова, Е.В. Сапир, В.В. Соколов, Ю.С. Хромов, Ю.В. Шишков, П.Г. Щедровицкий и др.

Таким образом, как показывает практика, влияние минерально-сырьевого сектора на развитие национальной экономики носит сложный и многогранный характер, а потому очень условно описывается формальными зависимостями, или поддается однозначным оценкам в контексте концепций «ресурсного проклятия» [7, 14], «голландской болезни» [18] и т. п. Именно поэтому, несмотря на большое количество публикаций, отражающих различные особенности моделей сырьевых экономик (например, колебание доходов, обусловленное изменениями конъюнктуры сырья на мировых рынках, низкий уровень отраслевой диверсификации, расслоение общества по уровню жизни [19], избыточное заимствование, наличие коррупции [24] и др.), до сих пор нет единства мнений на природу влияния сырьевого сектора на экономическое развитие государства. При этом по-прежнему тиражируется расхожее мнение, что добыча минерального сырья — это удел развивающихся стран. Однако на шесть стран — Австралию, Китай, США, Россию, Канаду, Южно-Африканскую Республику — приходится более половины (по стоимости) добываемого в мире минерального сырья. Высокий уровень развития в большинстве таких стран достигнут именно за счет интенсификации добычи и переработки собственных природных ресурсов [11].

В данной статье авторы пытаются проверить положение о том, что характер влияния сырьевого сектора определяется механизмами встраивания его в национальную экономику. В целях проверки заявленного положения объектами исследования выбраны вновь созданные государства на постсоветском пространстве.

Цель исследования — оценить качество встроенности сырьевого сектора в национальную экономику и его вклад в общественное развитие. Для этого авторами предложены

следующие три критерия: степень влияния сырьевого сектора на макроэкономические показатели; степень социальной ориентированности развития сырьевого сектора (вклад в обеспечение качества жизни населения); степень влияния на индекс развития публичных институтов.

Влияние сырьевого сектора оценивается по абсолютным, относительным и динамическим показателям, а также через сравнение по рейтингам. Для обеспечения сравнимости и объективности результатов большинство анализируемых показателей взяты из одного источника — Мирового атласа данных (см. <http://knoema.ru/atlas>), в котором содержится информация из докладов Всемирного банка, а также международных организаций и рейтинговых агентств.

Экономический анализ производился за период с 2000 г., который характеризуется рядом исследователей как период «завершения посткоммунистического построения» [1]. Кроме того, этот период представляет особый интерес, обусловленный процессами стабилизации социально-экономического положения в странах — бывших республиках СССР в 2000–2014 гг. Его можно охарактеризовать как «проверку на прочность» созданных в 1990-е гг. институтов, поскольку во многих странах произошла определенная смена ранее выбранного курса.

Исследование опирается на три гипотезы, отражающие взаимосвязи развития сырьевого сектора с социально-экономической динамикой страны: позитивная социально-экономическая динамика, характеризующаяся макроэкономическими показателями стран, обуславливается значимостью сырьевого сектора экономики; сырьевой сектор стран постсоветского пространства создает условия для поддержания качества жизни населения; доминирующий сырьевой сектор экономики сдерживает развитие публичных институтов.

Для проведения анализа применяется метод региональных группировок, в основе которого учтены следующие моменты.

Согласно исследованиям Всемирного банка страны — бывшие республики СССР по обеспеченности природными ресурсами и принадлежности к ЕС подразделяются на три группы [3]: страны Евразии с богатыми природными ресурсами (Азербайджан, Казахстан, Российская Федерация, Туркменистан, Узбекистан, Украина); страны Евразии, не обладающие богатыми природными ресурсами (Армения, Белоруссия, Грузия, Киргизская Республика, Молдавия, Таджикистан); новые страны — члены ЕС (Литва, Латвия, Эстония).

Таблица 1

Показатели обеспеченности стран — бывших республик СССР природными ресурсами и места сырьевого сектора в национальных экономиках*

Страна	Экспорт сырьевых товаров, доля в общем объеме экспорта товаров, %	Валовая добавленная стоимость в разрезе отраслей		Природные ресурсы на душу населения, долл. США (в постоянных ценах 2005 г.)
		Сельское хозяйство, охотничье и лесное хозяйство, %	Добыча полезных ископаемых и карьерная добыча, %	
<i>Страны Евразии с богатыми природными ресурсами</i>				
Россия	75,2	4,0	9,9	31 317
Казахстан	83,1	62,2	18,1	23 916
Туркменистан	81,6	—	—	37 866
Азербайджан	96,6	5,9	48,9	11 684
Узбекистан	33,4	—	—	7 652
Украина	21,5	8,3	6,6	6 899
<i>Страны Евразии, не обладающие богатыми природными ресурсами</i>				
Армения	33,0	18,8	2,8	3 139
Белоруссия	22,8	10,2	0,4	5 972
Грузия	57,4	8,3	1,0	3 334
Киргизская Республика	10,2	18,8	0,7	2 992
Молдавия	3,8	14,1	0,4	4 148
Таджикистан	59,2	21,8	0,0	1 762
<i>Новые страны — члены ЕС</i>				
Латвия	20,8	4,1	0,5	7 346
Литва	32,1	4,2	0,4	6 014
Эстония	12,9	3,3	1,4	16 221

* Данные за 2010–2011 гг., опубликованные в Докладе Всемирного банка в 2014 г. [3].

Данные, характеризующие обеспеченность этих стран природными ресурсами и роль сырьевого сектора в национальных экономиках, представлены в табл. 1.

По данным, представленным в таблице, Латвия, Литва и Эстония относятся к странам, не обладающим богатыми природными ресур-

сами. При этом, по нашему мнению, Россия может быть выделена из общего списка стран, обладающих богатыми природными ресурсами, в целях последующего сравнения тенденций ее развития с другими группами стран.

Таким образом, дальнейший анализ проводился в разрезе четырех групп стран постсовет-

Рис. 1. Динамика среднего уровня ВВП на душу населения (в постоянных ценах 2005 г., долл. США) в странах постсоветского пространства

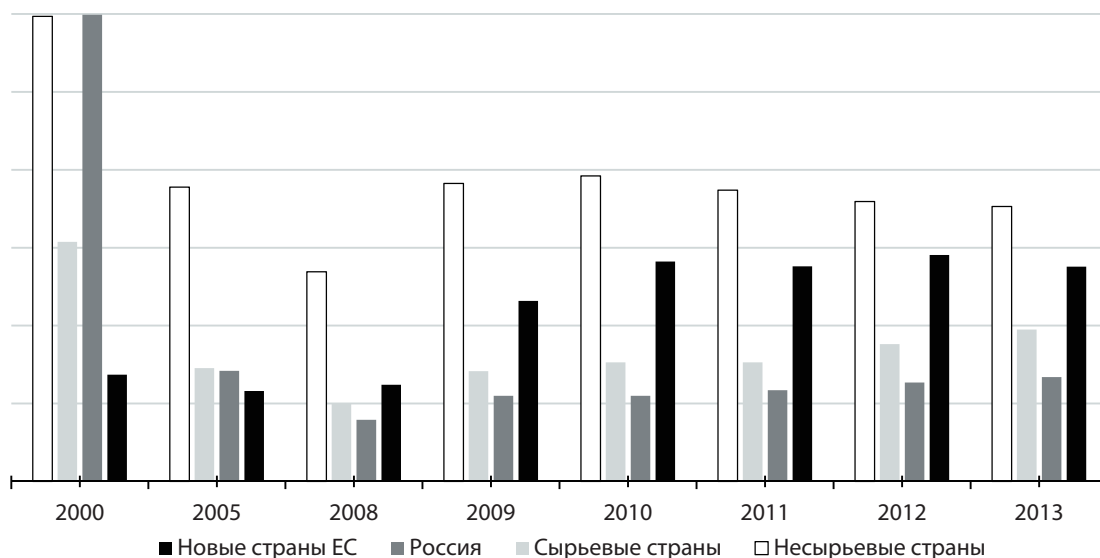

Рис. 2. Динамика показателя государственного долга к ВВП в странах постсоветского пространства, %

ского пространства: страны с богатыми природными ресурсами (далее по тексту — сырьевые страны); страны, не обладающие богатыми природными ресурсами (несырьевые страны); новые страны ЕС и Россия.

Выявление взаимосвязей между общими тенденциями развития стран постсоветского пространства в разрезе выделенных групп и масштабами их сырьевого сектора основано на результатах анализа пяти макроэкономических показателей: ВВП, объем государственного долга, прямые иностранные инвестиции, уровень безработицы, валовая добавленная стоимость.

В 2012 г. средний уровень ВВП на душу населения (в постоянных ценах 2005 г., долл. США) в сырьевых странах был почти более чем в 2,3 раза выше, чем в несырьевых, но при этом в России в 2,4 раза, и в 2,9 раза ниже, чем в новых странах ЕС (рис. 1).

При этом за период 2000–2012 гг. имел место рост значительный рост этого показателя во всех странах, однако наибольший рост — в 2,3 раза — демонстрировала группа сырьевых стран, в сравнении с 2,1 раза — по группе несырьевых стран, с 1,8 раза — новых стран ЕС и 1,76 раза — России.

Мировой финансовый кризис 2008 г. по-разному повлиял на динамику этого показателя. Так в наименьшей степени он затронул сырьевые страны, средний ВВП которых по группе в 2009 г. практически не изменился по сравнению с 2008 г. При этом наибольшее падение произошло в новых странах ЕС — на 15 %, и в России — 8 %.

Таким образом, общий разрыв в среднем уровне ВВП на душу населения за период

2000–2012 гг. между сырьевыми странами СНГ и новыми странами ЕС имел устойчивую тенденцию постепенного сокращения с 4,5 до 3,5 раза. В то время как разрыв с несырьевыми странами постепенно увеличивается с 2,1 до 2,3 раза. Эта тенденция отражается и в среднегодовых темпах прироста ВВП на душу населения. В рассматриваемый период по группе сырьевых стран этот показатель составляет 5,8 % по сравнению с новыми странами ЕС — 2,6 %, России — 3,7, и несырьевыми странами — 4,0 %.

Данные по государственному долгу в ВВП Всемирным банком представлены за период 2000–2013 гг. Так, в 2013 г. средний размер государственного долга в сырьевых странах составил 19,5 % к ВВП, что в 1,8 раза ниже, чем в несырьевых, и в 1,4 раза ниже, чем в новых странах ЕС. При этом самый низкий уровень этого показателя имела Россия — 13,4 % (рис. 2).

В целом за период 2000–2013 гг. имело место существенное снижение размера государственного долга к ВВП в среднем по группам стран от 37 % в сырьевых странах до 78 % в России. Исключение составили новые страны ЕС, где произошел его рост в два раза.

Мировой финансовый кризис 2008 г. во всех группах стран привел к увеличению данного показателя, значение которого в 2009 г. по сравнению с 2008 г. выросло в 1,4–1,8 раза. Максимальный рост продемонстрировали новые страны ЕС.

В целом в течение рассматриваемого периода можно было наблюдать разнонаправленные тенденции изменения этого показателя, с одной стороны, новых стран ЕС, с другой — остальных групп. При этом надо отметить,

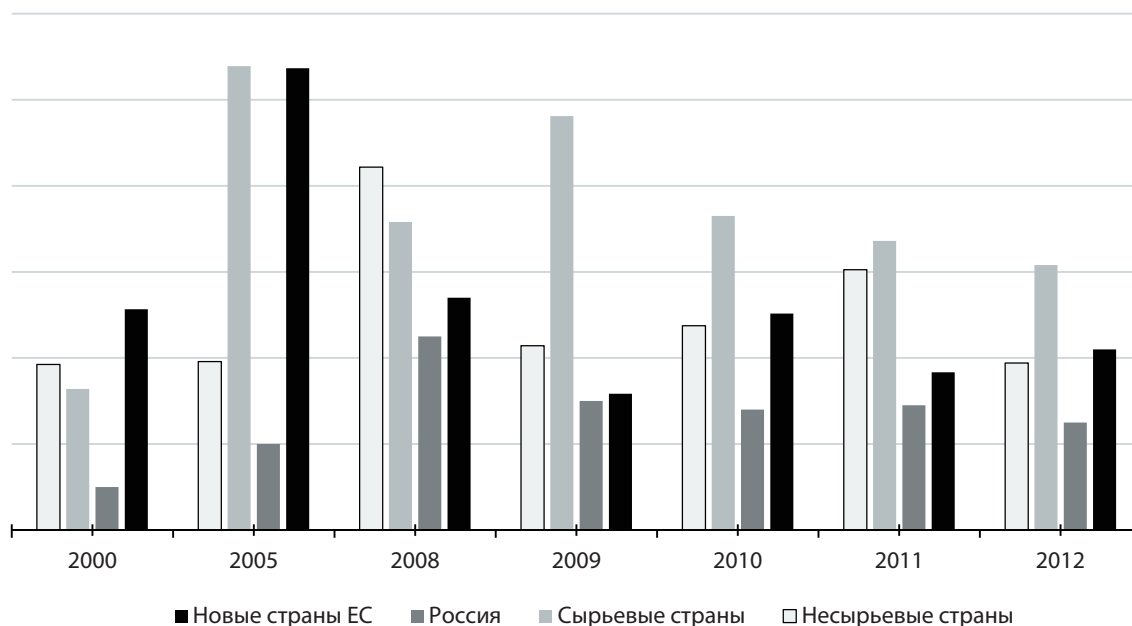

Рис. 3. Динамика чистого притока прямых иностранных инвестиций в странах постсоветского пространства, % от ВВП

что посткризисная динамика по России и сырьевым странам характеризуется небольшим, но устойчивым ростом данного показателя. В то же время новые страны ЕС и несырьевые страны демонстрируют общую тенденцию к снижению с небольшими ежегодными колебаниями.

В 2012 г. средний показатель чистого притока прямых иностранных инвестиций к ВВП сырьевых стран составил 6,2 %, что в 1,5 раза выше, чем в новых странах ЕС, и 1,6 раза выше, чем в несырьевых странах. При этом самое низкое значение этого показателя имела Россия — 2,5 % (рис. 3).

В 2012 г. (в сравнении с 2000 г.) в России и сырьевых странах произошел рост чистого притока прямых иностранных инвестиций к ВВП в 1,9–2,5 раза, в то время как в новых странах ЕС имело место снижение почти на 20 %, а в несырьевых странах этот показатель остался на том же уровне.

Мировой финансовый кризис в большей степени отразился на притоке иностранных инвестиций в новых странах ЕС и несырьевых странах, где произошло падение в 1,8–1,9 раза. В то же время этот показатель в сырьевых странах снизился не так сильно, остался на том же уровне или значительно вырос (например, в Туркменистане).

Вместе с тем следует отметить высокую амплитуду колебаний этого показателя в течение рассматриваемого периода в 2,5–3 раза по всем группам стран, что свидетельствует об отсутствии их прямой связи с масштабами сырье-

вого сектора экономики. По нашему мнению, на волатильность данного показателя большее влияние оказывают политические факторы.

Данные по уровню безработицы Всемирным банком представлены за период 2000–2013 гг. Так, в 2013 г. самый высокий уровень безработицы наблюдался в группе новых стран ЕС — 10,8 % и группе несырьевых стран — 9,4 %, в то время как в России и сырьевых странах он находился примерно на одном уровне — 5,5–6,2 % (рис. 4).

В целом за период 2000–2013 гг. можно отметить общую тенденцию к снижению среднего значения уровня безработицы во всех группах стран от 10 % в несырьевых странах до 50 % в России и группе сырьевых стран.

Следует отметить, что в течение рассматриваемого периода для новых стран ЕС и несырьевых стран характерен повышенный фон безработицы, почти в 2 раза превышающий уровень несырьевых стран.

Мировой финансовый кризис 2008 г. во всех группах стран привел к увеличению данного показателя, значение которого в 2009 г. по сравнению с 2008 г. больше всего выросло в новых странах ЕС — в 2,3 раза, в то время как в других группах стран рост составил 10–30 %.

В работе также проведен анализ между масштабами сырьевого сектора, с одной стороны, и отраслевой структурой национальных экономик и их динамикой — с другой. С этой целью были выбраны показатели структуры и темпов прироста валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности.

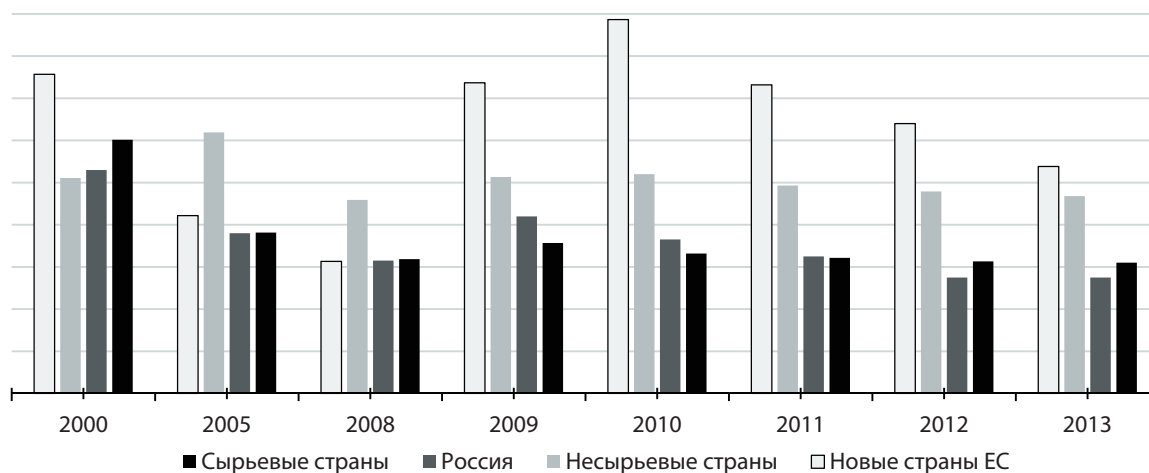

Рис. 4. Динамика уровня безработицы в странах постсоветского пространства, %

За 2012 г. средний удельный вес обрабатывающей промышленности в структуре экономической деятельности продемонстрировала группа сырьевых стран — 18,4 %. При этом новые страны ЕС и несырьевые страны имели практически одинаковые показатели — 16,4–16,9 %. За рассматриваемый период удельный вес обрабатывающей промышленности в новых странах ЕС и сырьевых странах остался прежним, а в несырьевых странах и России произошло существенное сокращение соответственно на 25 и 32 % (рис. 5).

Финансовый кризис 2008 г. наибольшее влияние оказал на данный показатель России, снизив его на 3 %, в то время как в остальных группах стран среднее падение составило от 0,5 до 0,8 %. Следует отметить, что к 2012 г. несырьевые страны и новые страны ЕС достигли и превысили докризисный уровень показателей, а в России и группе сырьевых стран пока этого не наблюдается.

Анализ показывает, что во всех группах стран имеет место снижение среднегодовых

темпов прироста обрабатывающей промышленности, однако в России и сырьевых странах это происходит существенно медленнее.

В связи с тем, что инновационное качество развития национальной промышленности может характеризоваться таким показателем, как экспорт высокотехнологичных товаров, для анализа был взят удельный вес высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта промышленных товаров. В группу сырьевых стран из-за отсутствия данных вошли Казахстан, Украина и Азербайджан, которые показали максимальный рост этого показателя за период 2000–2012 г. с 4,5 до 14,5 %. В то же время в несырьевых странах произошло сокращение этого показателя более чем в 2 раза. В группе новых стран ЕС в Латвии и Литве имел место двукратный рост, а в Эстонии — трехкратное падение этого показателя.

Для анализа взаимосвязи между развитием сырьевого сектора стран постсоветского пространства и качеством жизни населения были выбраны следующие показатели, представля-

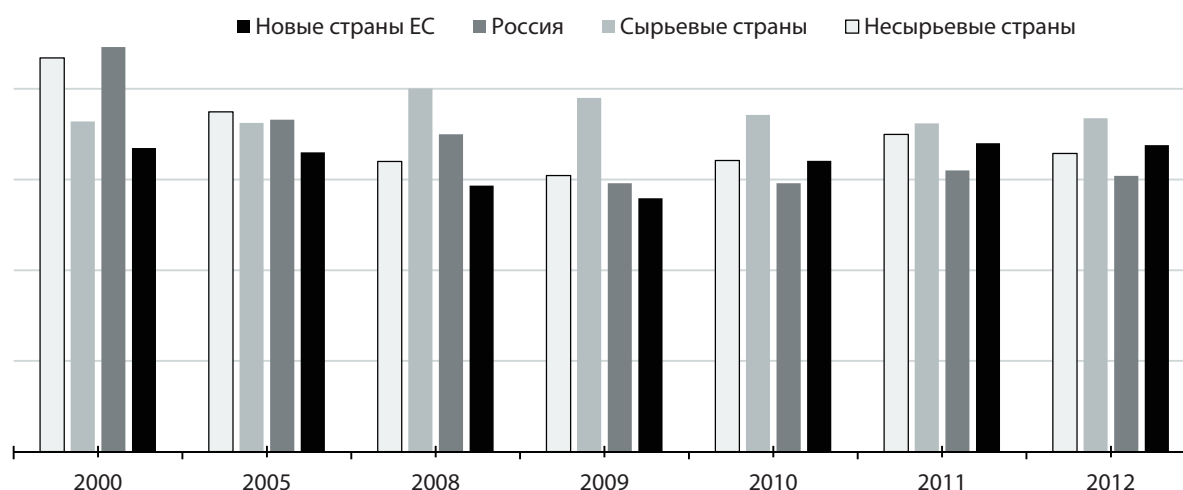

Рис. 5. Динамика удельного веса обрабатывающей промышленности в валовой добавленной стоимости, %

Рис. 6. Затраты на здравоохранение и образование на душу населения к ВВП в 2012 г., долл. США

емые Всемирным банком и в докладах ООН: индекс развития человеческого потенциала, индекс образования, общие расходы на здравоохранение, с разных сторон характеризующие уровень развития человеческого потенциала.

В 2012 г. наибольшие значения индекса развития человеческого потенциала имели группа новых стран ЕС — 0,83 и Россия — 0,79. При этом группы несырьевых и сырьевых стран имели близкие значения 0,70–0,71. За период 2000–2012 гг. можно наблюдать устойчивый рост по всем группам стран, наибольшие значения демонстрировали группа несырьевых стран и Россия. Кроме того, можно отметить общую тенденцию сокращения разрыва между средними значениями по группам стран.

В 2012 г. наивысший индекс — 8,32 — образования традиционно отмечался в новых странах ЕС, не являющихся лидерами ни в одной из отраслей экономики в мире, а самый низкий уровень в странах несырьевой группы — 5,79. Эта ситуация сохраняется на протяжении последнего десятилетия.

За период 2006–2010 гг. по опубликованному в 2012 г. данным Мирового банка [38] уровень расходов на образование к ВВП отчасти противоречит средним значениям индекса образования групп стран: самый высокий в новых странах ЕС — 5,7 %, а самый низкий — в сырьевых странах и России — 3,9–4,1 %. Аналогичная ситуация и в сфере здравоохранения (рис. 6).

Однако следует отметить, что с учетом существенных различий в объемах ВВП на душу населения по группам исследуемых стран сравнительные оценки стран приобретают иной характер. Лидерство сохраняют новые страны ЕС, Россия перемещается с третьего на второе

место, а несырьевые страны оказываются на последнем месте.

Уровень институционального развития авторами оценивался по индексам Всемирного банка за период 2013–2014 гг. в контексте восприятия коррупции, условий ведения бизнеса, уровня инновационного развития и степени экономической свободы (табл. 2).

По нашему мнению, восприятие коррупции в той или иной стране в большей степени связано с национально-культурными особенностями, чем с масштабами сырьевого сектора. Так, в 2013 г. наихудшие показатели имели четыре страны Среднеазиатского региона (Таджикистан, Туркменистан, Киргизия, Узбекистан), а наилучшие показатели были характерны для семи европейских стран (Литва, Эстония, Латвия, Грузия, Армения, Беларусь, Молдавия). Россия, Украина, Казахстан, Азербайджан находились в середине списка.

Анализ условий ведения бизнеса за 2014 г. показал, что в интервале с 1-го по 50-е место присутствуют три новые страны ЕС, Казахстан и несырьевые страны — Грузия и Армения. В интервале с 51-го по 100-е место из пяти стран располагаются Азербайджан, Россия и три страны из группы несырьевых — Белоруссия, Молдавия и Киргизия. Наиболее сложными условия для ведения бизнеса считаются в Таджикистане и двух сырьевых странах (Узбекистан, Украина).

По уровню инновационного развития прослеживается скорее географическая, чем сырьевая дифференциация стран. Так, в 2012 г. наиболее высокий индекс (первые шесть мест) имели европейские страны, затем следовали страны Кавказа и Закавказья, замыкали список страны Центральной и Средней Азии.

Таблица 2

Рейтинги, характеризующие институциональное развития стран постсоветского пространства

Страна	Рейтинг восприятия уровня коррупции, 2013 г.	Рейтинг легкости ведения бизнеса, 2014 г.	Индекс инноваций, 2012 г.	Индекс экономической свободы, 2014 г.
<i>Сырьевые страны</i>				
Туркменистан	168	Нет данных	Нет данных	42,2
Узбекистан	168	146	3,13	46,5
Казахстан	140	50	3,97	63,7
Азербайджан	127	70	4,01	61,3
Украина	144	112	5,76	49,3
<i>Российская Федерация</i>	<i>127</i>	<i>92</i>	<i>6,93</i>	<i>51,9</i>
<i>Несырьевые страны</i>				
Армения	94	37	4,21	68,9
Грузия	55	8	5,15	72,6
Таджикистан	154	143	2,18	52,0
Белоруссия	123	63	5,70	50,1
Молдавия	102	78	4,16	57,3
Киргизия	150	68	3,12	61,1
<i>Новые страны ЕС</i>				
Литва	43	17	6,82	73,0
Эстония	28	22	7,75	75,9
Латвия	49	24	6,56	68,7

В рейтинге экономической свободы за 2014 г. традиционно наиболее высокие места занимают новые страны ЕС, а также Грузия, Армения, замыкают список страны сырьевой группы — Украина, Узбекистан Туркменистан.

Таким образом, анализ показывает, что сложно делать вывод о наличии прямой связи между масштабами сырьевого сектора и уровнем институционального развития страны. Более того, по нашему мнению, доминирующим фактором здесь являются национально-культурные особенности и общий уровень социально-экономического развития страны.

В целом, как показало выполненное исследование, традиционные (институциональные) подходы, описывающие взаимосвязи между наличием и масштабами сырьевого сектора и уровнем экономического развития в отношении стран, публичные институты которых находятся еще в стадии формирования, едва ли могут быть применимы без соответствующих ограничений. Так, отсутствуют явные связи между уровнем развития институтов и темпами изменений макроэкономических показателей. Кроме того, развитый сырьевой сектор не является сдерживающим фактором для внедрения инноваций и развития обрабатывающей промышленности. Более того, наличие сырьевых отраслей позволяет государству фи-

нансировать здравоохранение и образование на достаточно высоком уровне.

Анализ позволил установить ряд взаимосвязей сырьевого сектора с экономическим развитием рассматриваемых стран постсоветского пространства, которое оцениваться с точки зрения уровня, темпов и качества происходящих изменений.

Уровень и темпы развития экономики во многом определяются, с одной стороны, промышленным потенциалом, который сформировался на момент образования этих стран, и скоростью его деградации, с другой — темпами компенсирующего развития сырьевого сектора (при его наличии). При этом качество изменений, заключающееся в росте обрабатывающей промышленности, во внедрении инноваций, в объемах финансирования здравоохранения и образования, определяется источниками, основными из которых в рассматриваемых странах являются либо природные ресурсы — для сырьевой группы, либо государственные заимствования — для новых стран ЕС.

Для стран, имеющих недостаточно высокий уровень развития публичных институтов, характерны повышенные риски, и, как следствие, они существенно ограничены в доступе к финансовым ресурсам через заимствования, что становится сдерживающим фактором их

дальнейшего роста. Исходные условия стран, такие как национально-культурные особенности стран, их геополитическое положение и уровень экономического развития, определяют темпы и характер институциональных изменений в большей степени, чем наличие природных ресурсов.

Темпы экономического развития (макроэкономические показатели) во многом определяются финансовыми источниками, связанными либо с освоением природных ресурсов, что мы наблюдаем в сырьевых странах, либо с заимствованиями, что имеет место в новых странах ЕС. Дефицит в целом таких источников приводит к «торможению» социально-экономического развития. Отсутствие же собственных источников развития и, как следствие, высокий уровень заимствования повышают волатильность показателей социально-экономического развития.

Интересно, что сравнение динамики (темпов) развития несырьевых стран и новых стран ЕС позволяет наблюдать эффект конвергенции. Различия между этими группами стран в большей степени обуславливаются их доступом к заемным средствам, что отражается в величинах их государственного долга, высокий уровень которого характерен для новых стран ЕС. Но образовавшийся в 1990-е гг. разрыв постепенно сокращается, и по мере развития публичных институтов и повышения инвестиционной привлекательности несырьевых стран процесс конвергенции может ускориться.

Кризис 2008 г. по-разному отразился на макроэкономической динамике исследуемых стран. В этом контексте природно-ресурсный потенциал выполняет одновременно двоякую роль — стабилизирующую и сдерживающую: с одной стороны, страны, обладающие более развитым сырьевым сектором, имели меньшую глубину падения; с другой стороны,

и темпы восстановления их экономик были сравнительно ниже относительно несырьевых стран, особенно новых стран ЕС.

В заключение отметим, что особенностью данного исследования является то, что его объектом выступают страны, в целом отличающиеся ранней стадией формирования публичных институтов, в том числе характеризующейся поиском модели эффективного вовлечения природных ресурсов в экономическую деятельность. Сегодня перед странами, в первую очередь, обладающими богатым природно-ресурсным потенциалом, стоит проблема выбора модели рационального использования природных ресурсов. Решение этой задачи находится в интервале от полного заимствования такой модели из других стран, имеющих высокий уровень развития, до построения собственной модели, опирающейся на учет экономических, национально-культурных и иных особенностей страны. До тех пор, пока страна находится в состоянии поиска, делать однозначные выводы о характере влияния сырьевого сектора на экономическое развитие очень сложно.

Кроме того, следует заметить, что эволюция представлений о роли природных ресурсов в экономике государств также не завершилась. И как показывает опыт, в конкретной стране роль освоения природных ресурсов определяется широким кругом факторов, включая: этап ее экономического развития; развитие института права на добычу и ее продукт; принципы распределения финансовых результатов от эксплуатации природных ресурсов; соотношение внутреннего потребления и поставляемого на экспорт добываемого сырья, а также глубину его переработки; степень вовлеченности минерально-сырьевого сектора и национальной экономики в целом в мировые интеграционные процессы и пр.

Список источников

1. Гаврилишин О. Пятнадцать лет преобразований в посткоммунистических странах // Reed [Электронный ресурс]. URL: <http://r-e-e-d.com/15-years-of-reforms> (дата обращения: 21.09.2014).
2. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. — 2010. — № 3. — С. 4-23.
3. Диверсифицированное развитие. Оптимальное использование природных ресурсов в регионе Евразии. Доклад. Всемирный банк. 2014. [Электронный ресурс]. URL: www.worldbank.org
4. Забелина О. Российская специфика «голландской болезни» // Вопросы экономики. — 2004. — № 11. — С. 37-54.
5. Илларионов А. Реальный валютный курс и экономический рост // Вопросы экономики. — 2002. — №2. — С. 19-48.
6. Казначеев П. Природная рента и экономический рост. — М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 2013. — 101 с.
7. Кожумов К. Проклятие ресурсов // Научные статьи Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/node/3791> (дата обращения: 21.09.2014).

8. Кочетов Э. Г. Космологизация. Новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии. Научная монография / Обществ. акад. наук геоэкономики и глобалистики. — М.: Междунар. отношения, 2014. — 912 с.
9. Кузнецов А. В. Темпы экономического роста — «голландская болезнь» // Финансы.Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finansy.ru/publ/rmacro/004.htm> (дата обращения: 21.09.2014).
10. Пестель Э. За пределами роста: пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Д. М. Гвишиани. — М.: Прогресс, 1988. — 272 с.
11. Петров О. В. Об эффективном использовании минерально-сырьевого потенциала недр России // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 2 (183). — Вып. 23. — С. 20-28. — (Экономика).
12. Печчи А. Человеческие качества. — М.: Прогресс, 1980. — 302 с.
13. Пешко А. А., Мацко Н. А. Системный анализ проблемы экономического роста на основе развития минерально-сырьевого сектора. Ч. 1 // Региональная экономика и управление. — 2008. — №3 (15). — № рег. статьи 0049/1. [Электронный ресурс]. URL: <http://region.mcnip.ru>.
14. Полтерович В. М., Попов В. В., Тонис А. С. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. — 2007. — №6. — С. 4-27.
15. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — 101 с.
16. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Под ред. Д. М. Гвишиани. — М.: УРСС, 1997. — 384 с.
17. Стиглиц Дж. Проклятие ресурсов // День. — 2004. — №143 (13.08) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.day.kiev.ua/78284> (дата обращения: 21.09.2014).
18. Фетисов Г. «Голландская болезнь» в России. Макроэкономические и структурные аспекты // Вопросы экономики. — 2006 — № 12. — С. 38-53.
19. Эткин А. Петромахо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве // Неприкосновенный запас. — 2013. — № 88 (20.02) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/> (дата обращения: 21.09.2014).
20. *Auty Richard M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis.* — London: Routledge, 1993. — 288 pp.
21. *Cavalcanti T. V. d. V., Mohaddes K., Raissi M. Commodity Price Volatility and the Sources of Growth.* Faculty of Economics, University of Cambridge, 2011. — 45 pp.
22. *Collier P. Natural Resources, Development and Conflict: Channels of causation and Policy Interventions* // World Bank, April 28, 2003. Веб-сайт: www.worldbank.org
23. *Corden W. M., Neary J. P. Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy* // The Economic Journal. — 1982. — Vol. 92 (December). — Pp. 825-848.
24. *Damania R., Bulte E. Resources for Sale: Corruption, Democracy and the Natural Resource Curse* / Univ. of Adelaide — 2003. — 45 pp.
25. *Gylfason T. Natural Resources, Education, and Economic Development* // European Economic Review. 2001[a]. Vol. 45. P. 847-859.
26. *Holden S. Avoiding the Resource Curse. The Case Norway* // Department of Economics University of Oslo. August 2013 [Electronic resource]. URL: <http://folk.uio.no/sholden/wp/resource-curse-norway-13.pdf> (time access: 21.09.2014)
27. *Innis H. A. The Fur trade in Canada: An introduction to Canadian Economic History.* Toronto; Buffalo : University of Toronto Press, 1999. — P. 386-392.
28. *Kronenberg T. The curse of natural resources in the transition economies* // Economics of Transition. — 2004. — Vol. 12 (3). — P. 399-426.
29. *Lederman D., Maloney W. F. In Search of the Missing Resource Curse* // World Bank. Policy Research Working Paper. 2008. — 4766. — 41 pp.
30. *Leong W., Mohaddes K. Institutions and the Volatility Curse.* CWPE 1145, 2011. — 18 pp.
31. *Manzano O., Rigobon R. Resource Curse or Debt Overhang?* // NBER Working. — 2001. — No. w8390. — 37 pp.
32. *McKinnon R. International Transfers and Non-traded Commodities: The Adjustment Problem,* Leipziger, D.M. (ed.), The International Monetary System and the Developing Nations. — Washington, D.C.: Agency for International Development, 1976. — 98 pp.
33. *Meadows D. L. et al. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* — New York: Universe Books. 1972. — 211 pp.
34. *Mesarovic M. and Pestel E. Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome.* — New-York: E. P. Dutton and Co. Inc., 1974. — 224 pp.
35. *Mikesell R. F., Explaining the resource curse, with special reference to mineral exporting countries* // Resources Policy. — 1997. — Vol. 23. — No. 4. — P. 191-199.
36. *Nunn N. The Long-Term Effects of Africa's Slave Trades* // The Quarterly Journal of Economics. MIT Press. — 2008. — Vol. 123(1). — P. 139-176.
37. *Sachs J. D., Warner A. M. The Big Rush, Natural Resource Booms And Growth* // Journal of Development Economics. — 1999. — Vol. 59 (1, Jun). — P. 43-76.

38. *Stijns J.-P. C.* Natural resource abundance and economic growth revisited // *Resources Policy*. — 2005. No 30. — P. 107-130.
39. The Natural Resource Curse. A Survey of Diagnoses and Some Prescriptions // *Commodity Price Volatility and Inclusive Growth in Low — Income Countries* / ed. by Rabah Arezki, Catherine Pattillo, Marc Quintyn and Min Zhu. — International Monetary Fund, 2012. — P. 233.
40. The World Bank. World Development Indicators. [Electronic resource]. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (time ecesse 21.07.2014).
41. *Watkins M. H.* A Staple Theory of Economic Growth // *Canadian Journal of Economics and Political Science*. — 1963. — Vol. — 29 May — No 29(2). — P. 141-158.
42. *Van Wijnbergen S.* The 'Dutch Disease': A Disease After All? // *Economic Journal*. — 19845. — No 94 (373). — P. 41-55.
43. *Van der Ploeg F., Venables T.* Symposium on Resource Rich Economies Introduction // *Oxford Economic Papers*. — 2009. — No 61(4). — P. 625-627.

УДК 338.001.36

Ключевые слова: концепция «сырьевого проклятия», постсоветское пространство, социально-экономическое и институциональное развитие